

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Грасько Анны Васильевны
на тему: «Советская Россия в художественном и
публицистическом творчестве Иржи Вайля 1920–1930-х гг.»
по специальность 5.9.2. – Литературы народов мира

Период 1920-х–1930-х годов часто называют «межвоенным». Однако его историческое значение и содержание отнюдь не полностью описывается этим определением. Для советской России и всего СССР это были годы становления идеологической, политической, экономической платформ новой социалистической государственности, годы определения человека героического, прорывного, созидающего труда в качестве основной ценности и фундамента нового общества. Вместе с тем грандиозное промышленное строительство, создание бесклассового общества, внедрение системы всеобщего образования и т.п. в тяжелых внутренних и внешних условиях потребовали новых систем социально-политического контроля и такой мобилизации ресурсов, которая стремилась если не полностью, то во многом подчинить интересы, жизнь и саму личность человека коллективу и государству.

В «межвоенном» западноевропейском обществе в этом новом – советском – облике России то узнавали (подобно известному английскому экономисту-марксисту Морису Доббу) себя, свои давние чаяния подлинно демократического общества, социального равенства и социальной справедливости, то со страхом обнаруживали (как писатели Артур Кестлер и Джордж Оруэлл) нечто новое, но во многом отражающее современное «свое», теперь фашистски-нацистское: тотальность государственного, идеологического контроля, репрессивность государственной машины, механистичность устройства жизни, забвение человечности и достоинства человека во имя общей идеи. При этом СССР никогда не мыслился на Западе совершенно новым общественно-политическим образованием, но продолжал оставаться для западного сознания Россией, и общее поле западного восприятия советского мира и человека складывалось из взаимодействия трех смысловых векторов: положительного осмыслиения советского эксперимента по созданию нового общества и человека, отрицательного его осмыслиения в связи с понятием «тоталитарное государство» и вектора имагологического мифа о России – тех его смысловых слоев, которые сформировались к началу XX века.

Многосоставность этого общего поля восприятия, как и сложность процессов взаимодействия векторов внутри него на фоне общего острого интереса к «стране Советов» приводили к самым разным результатам, в том числе продуктам творчества в

виде индивидуально-авторских оценок и художественных образов. Многие из них остаются мало изученными или же совсем неизученными; потребность же в исследовании такого рода материала как в литературе английской, французской, итальянской, немецкой, так и в литературе польской, венгерской или чешской в настоящее время возрастает в связи, с одной стороны, с нарастающим вниманием современной отечественной и зарубежной гуманитаристики к проблеме идентичности (имагологические по своей направленности исследования являются способом решения этой проблемы) и, с другой, с остро обозначившейся в современной российском обществе потребности в глубоком историческом осмыслиении советского периода существования России.

Этими двумя факторами, а также ясно обозначившимся в современном чешском литературоведении интересом к журналисту, переводчику, писателю Иржи Вайлю обусловлена **актуальность** темы диссертационного исследования Анны Васильевны Грасько. Посвященная изучению образа советской России 1920-х–1930-х годов в творчестве малоизвестного российскому читателю и малоизученного в российской филологии чешского писателя, работа Анны Васильевны обладает несомненной **научной новизной**. Определяется она не только восполнением лакун в собственно российском научном знании (введением в российский научный оборот сведений о комплексе литературно-критических, просветительских и художественных текстов Вайля, посвященных советской литературе, культуре, действительности), но и осуществлением впервые в мировом литературоведении предпринятого комплексного литературоведческого анализа романа «Москва-граница».

Многоаспектность, а также малая изученность заявленной в работе темы предопределили **структуру** диссертации А.В. Грасько, состоящую из Введения и восьми глав, объединенных в две части, а также Заключения, Списка использованных источников и литературы (включает 217 наименования) и Приложений документально-архивного характера. Общий объем диссертации – 267 страниц; список литературы имеет разделы, соответствующие материалу и проблеме исследования. Все разделы диссертации подчинены общей цели, логично структурированы и взаимосвязаны.

Во **Введении** изложены цели и задачи исследования, определены его актуальность и значимость, описана методология, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Уже эта часть работы демонстрирует широкую научную эрудицию и литературоведческую компетентность автора-исследователя, терминологическую и фактическую точность, логичность и последовательность в изложении материала. Все эти черты следует отнести к сильным сторонам работы. Не вызывают сомнения формулировки положений, выносимых на защиту: они тщательно продуманы, соотнесены между собой, точно и ясно вераблизованы; дальнейший же ход

рассуждений и системное сопоставительно-сравнительно изложение наблюдений над текстами разной природы в двух частях диссертации обеспечивают **обоснованность этих положений**, как и общую достоверность основных выводов исследования. Особенной значимым с точки зрения дальнейших перспектив научного исследования А.В. Грасько представляется вывод, который изложен в пятом положении, выносим на защиту: «...картина советской реальности в романе [Иржи Вайля] лишена однозначности, совмещает множество замеченных Вайлем противоречий и полярно противоположных наблюдений, реализуя концепцию пограничья. Важное значение в романе имеет актуальная для литературы XX в. проблема взаимоотношений личности и государства, человека и власти» (с. 23 представленной диссертации).

Вместе с тем, описание **цели** работы и методологии исследования представляются не вполне корректными: цель сформулирована излишне дробно, в ее формулировке обнаруживается логика перечисления, в соответствии с которой определена не общая цель, но четыре равновеликие ее компонента (выявить..., ввести..., рассмотреть..., раскрыть... - с. 19-20), причем два из них имеют промежуточно-вспомогательный характер, в них не обозначен возможный конечный результат («ввести в российский научный оборот корпус публицистических и критических текстов Вайля, архивные материалы...»; «рассмотреть роман «Москва-граница» в контексте идеологических и эстетических поисков Вайля 1930-х годов...»).

Что касается методологии, то в ней, при всей ее вполне необходимой комплексности и синтетичности, имеются лакуны, которые, в целом, отрицательно сказываются на логике суждений и наблюдений в диссертационной работе. Речь идет об отсутствии упоминания о сравнительно-историческом (компаративном) методе изучения литературы, восходящем в отечественном его варианте к трудам А.Н. Веселовского (чьи труды отсутствуют, как и труды упоминаемой во Введении Н.П. Михальской, в Списке литературы) и необходимом для любого исследования, которое сфокусировано на проблеме взаимодействия национальных литератур.

Ориентация отечественной литературоведческой имагологии на сравнительно-исторический метод, в частности, задала особую глубину проникновения в художественный образ иной страны, иной культуры в современной российской науке – глубину, которую Валерий Павлович Трыков (а не Тырков, как ошибочно указано в диссертации дважды (во Введении и в Списке литературы)) в своей программной статье «Имагология и имагопоэтика» (2015 г.) объясняет опорой именно на традиции исторической поэтики и, отвергая концепцию нереференциальности и исключительно идеологической функции художественного образа национального Другого, определяет термином «имагопоэтика».

Дело, разумеется, не собственно в упоминании или неупоминании какого-то метода во Введении, а в том, что сравнительно-исторический метод, как и то, что В.П. Трыков предлагает называть имагопоэтикой, дают методологическую опору для рассмотрения отдельного произведения или творчества отдельного автора в диалоге с большой традицией, в том числе, с традицией восприятия национального Другого – традицией, если мы говорим о западном образе русского мира, имагологического мифа о России. Теория имагологического мифа, утверждающая, в частности, что подлинно художественный образ иной культуры, как правило, многомерен и соотнесен одновременно с разными историко-смысловыми слоями инонационального мифа, была также разработана в отечественном литературоведении (см. диссертацию «Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы)» (2015) и монографию «Миф о России в британской культуре» (2021) С.Б. Королевой) и также осталась неучтеною в представленном диссертационном исследовании.

Часть I «Публицистика Вайля об СССР 1920–1930-х гг.» диссертационной работы Анны Васильевны, объединяющая три главы, сфокусирована вокруг проблемы изображения советской действительности указанного периода в литературно-критических статьях и просветительской публицистике Иржи Вайля. Эта часть содержит много интересных наблюдений и точных обобщений касательно их содержательного и идеально-идеологического пафоса. Так, в главе первой основной темой его работ указано просвещение в СССР; отмечено место зарисовок о роли книги в строительстве нового общества и человека в них; описан сам состав круга советского чтения, по наблюдениям писателя.

Предметом второй главы стал образ новой советской литературы в литературно-критических работах Вайля. Тщательно вписывая их в социокультурный и историко-политический контекст эпохи (в Чехословакии, в Европе, в советско-чешских отношениях), Анна Васильевна отмечает исключительную роль Вайля в просвещении чешского читателя относительно современного литературного процесса в СССР и формировании в Чехословакии положительного образа новой советской литературы. Эта глава убедительно показывает масштаб просветительской, редакционной, посреднической деятельности Вайля векторе сближения чешской и советско-русской культур в период 1920-х–1930-х годов, – деятельности, действительно, заслуживающей самого пристального научного внимания. Глава третья посвящена отдельной странице в биографии Вайля: его вынужденному пребыванию в советской Средней Азии и содержанию его репортажей о культурном и промышленном строительстве в этих советских республиках.

Несомненна значимость и новизна содержания и выводов этой части исследования. Вместе с тем представляется, что в ней недостаточно учтен контекст

западного имагологического мифа о России и методологическая специфика взглядов самого Вайля на литературу. Что касается последнего, то с опорой на приведенные в работе высказывания чешского писателя о взаимосвязи литературы и общества можно утверждать, что он придерживался точки зрения марксизма (или социологического подхода в литературоведении) и что в сплаве с его коммунистическими взглядами это определило не «последовательное воспроизведение» в его литературно-критических статьях «процессов в советской литературе» (как утверждается на с. 102 диссертации), но активную, однонаправленную марксистско-прокоммунистическую их интерпретацию, так же как однобокую негативную оценку литературного процесса в среде русской эмиграции. В целом, позиция доверия по отношению к избранному автору подчас не позволяет Анне Васильевне критически отнестись к его высказываниям и прокомментировать ошибки или же излишне резкие оценки, встречающиеся в них.

В частности, на с. 93 диссертационной работы приведена пространная цитата из статьи Вайля, в которой тонкий литературный критик и авторитетный историк литературы, профессор славистики Лондонского университета Д.С. Мирский назван «радикальным критиком» и «профессором Оксфордского университета». Неверная характеристика оставлена без комментария.

Что же касается контекста западного имагологического мифа о России, то очевидным случаем, в котором о нем нужно говорить исследователю, потому что его явно подразумевает сам исследуемый автор, является статья Вайля «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском Союзе». В диссертации видим совершенно верные суждения о том, что Вайль в этой статье борется со стереотипом о невежестве и пр. советского обывателя, гражданина. Однако само сочетание «московские варвары» указывает на ироническую позицию по отношению к тому слову западного мифа о России, который сформировался еще в XV-XVI вв. (сначала при папском дворе и в записках европейских дипломатов и путешественников, а затем в художественной литературе), который намеренно противопоставлял Княжество (а затем Царство) Московское Древней Руси по принципу «нецивилизованное восточное варварство – древняя христианская культура» и который был закреплен за самим наименованием *Москва, Московия* (*Moscovia*) в поле его коннотативных (образно-смысловых и ценностных) значений.

Эта оппозиция и этот слой имагологического мифа проглядывает (и не может не проглядывать в связи с самим названием и доминантным хронотопом произведения) и в романе Вайля «Москва – граница», который является основным материалом исследования во второй части диссертационной работы А.В. Грасько. Глубинно в сознании героини романа Ри работают компоненты именно этого слоя мифа тогда,

когда она, направляясь в Москву, страшится встретиться в ней с чуждым миром варварской Азии; когда же воспринимает русско-советскую Москву как искусственный, маскарадный «отблеск Европы», то воспроизводит элементы другого слоя западного имагологического мифа о России, порожденного XVIII–XIX вв. и связанного с именами лорда Байрона (поэма «Дон Жуан»/ *Don Juan*) и А. де Кюстина («Россия в 1839 г.»/ *La Russie en 1839*). Вхождение этих мотивов в образ Москвы, пропущенный через сознание героини, указывает не на черты самой реальности, не на индивидуальные страхи героини или зацикленность ее на стереотипных негативных представлениях об СССР, но на глубокую плененность ее сознания разными слоями западного имагологического мифа о России – фактически, на мифологизированность ее сознания, что крайне затрудняет для него выход к реальности личного опыта. Методологическая неполнота представленного диссертационного исследования не позволяет Анне Васильевне обнаружить диалог Вайля с большой традицией западного имагологического мифа о России в его публицистике и романном творчестве, что однако не умаляет значимости достигнутых в работе результатов.

Часть II представленной диссертации «**Изображение советского мира в художественном творчестве Вайля: роман «Москва-граница»**» состоит из пяти глав, посвященных исследованию содержания и поэтики указанного произведения. Она, безусловно, наиболее интересна и содержательна. В ней убедительно доказано, что исследуемый роман создает яркий, многоплановый образ советской России 1920-х–1930-х годов с опорой на модернистскую поэтику экспрессионизма, совмещенную с концепцией русско-советского мира как многосмыслового пограничья, и что «в целом осмысление советской реальности в романе «Москва-граница» приводит Вайля к одной из центральных проблем XX века – философской проблеме человека, противопоставленного безличной государственной системе» (с. 240–241 диссертации). Значимым представляется и вывод Анны Васильевны о монтажной структуре романа, в которой сводятся, сталкиваются не только разные судьбы героев, но и разные точки зрения на советский мир и которая тем самым оставляет за читателем выбор оценки и вектора понимания как советско-русской действительности, так и внутреннего мира героев.

Особо следует отметить тонкие наблюдения исследователя над такими приметами стиля чешского писателя, которые роднят его со стилистикой ранней советской художественной прозы: документальность и автобиографичность (литература факта), гротеск, приемы кинопоэтики и типизации, признаки поэтики производственного романа. Вместе с тем, весьма спорным представляется суждение о том, что в построении сюжетных линий романа вокруг столкновения разных героев-иностранцев с русско-советским миром обнаруживается открытый В. Шкловским

прием остранения. Собственно говоря, этому суждению противоречат наблюдения самой Анны Васильевны об оппозиции «свой-чужой», «которая лейтмотивом проходит через весь роман» (с. 229 диссертации) и которая подразумевает двойственную соотнесенность с содержанием идейного (Европа – Азия) и идеологического (буржуазное – коммунистическое) характера. Отмечая ее оценочность, А.В. Грасько справедливо указывает, что «подобный тип остранения всегда присутствует и в травелогах, путевых заметках» и тем самым, фактически, указывает на то, что «остраненный» взгляд героев на окружающую их действительность в романе Вайля обусловлен не приемом остранения, но его имагологической проблематикой, или же «русской темой» (в терминологии Э. Кросса), реализуемой в русском хронотопе, в погружении героев-иностраницев в русско-советский мир.

Высказанные замечания не умаляют достоинств диссертации; скорее, свидетельствуют об интенсивности научного поиска, обширности исследуемого материала и значительности решаемых вопросов. Диссертация А.В. Грасько представляет собой оригинальное законченное научное исследование, отличающееся научной новизной, актуальностью, продуманностью структуры, основательностью аргументации, логичностью и ясностью изложения. **Теоретическая значимость** исследования в выработке комплексного подхода к анализу публицистического и художественного творчества автора в ракурсе единства его идеологической и имагологической проблематики. **Научно-практическая значимость** работы состоит в возможности использовать её результаты в курсах истории чешской литературы, при разработке спецкурсов и составлению учебных программ и пособий по русско-европейским связям, литературе первой трети XX века, западному образу России.

Основные результаты диссертационного исследования А.В. Грасько изложены с достаточной полнотой в 6 публикациях, в том числе 4 статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук. Опубликованные А.В. Грасько по теме исследования материалы и автореферат соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее ключевые положения.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация А.В. Грасько отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертационного исследования соответствует специальности 5.9.2. – Литературы народов мира (по филологическим наукам) и критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям

Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Анна Васильевна Грасько заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.2. – Литературы народов мира.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

заведующая международной научно-исследовательской

лабораторией «Фундаментальные и прикладные

исследования аспектов культурной идентификации»

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

КОРОЛЕВА Светлана Борисовна

01.12.2025

Контактные данные:

тел.: [REDACTED], e-mail: [REDACTED]

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(западноевропейская литература)

Адрес места работы:

603155, (Приволжский федеральный округ) г. Нижний Новгород, ул. Минина, д.
31а,

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н.А. Добролюбова», международная научно-исследовательская лаборатория
«Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации»

Тел.: [REDACTED]; e-mail: [REDACTED]

Подпись сотрудника Нижегородского
государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова Королевой С.Б.

удостоверяю:

руководитель/кадровый работник

/_____/